

Научная статья

УДК 94(470.56)“194”+343.72(09)

DOI: 10.32516/2303-9922.2026.58.14

Коррупция периода позднего сталинизма: хищения в Чкаловском спиротресте в 1940-е гг.

Алексей Николаевич Федоров

Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия, alnikfedorov@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4115-9603>

Аннотация. Статья посвящена хищениям на спиртовых заводах Чкаловской области и сопровождавшей их коррупции в партийных и советских органах в 1940-е гг. Масштабные хищения происходили в Чкаловском спиротресте во время войны и в первые послевоенные годы из-за отсутствия системной борьбы с ними и покровительства расхитителям со стороны местных и региональных властей. Ситуация изменилась в 1949 г., когда после «ульяновского дела» центр начал кампанию по борьбе с воровством в спиртовой промышленности. Правоохранительные органы быстро раскрыли злоупотребления в Чкаловском спиротресте, ущерб от которых за несколько лет составил около 150 млн. руб. Контроль со стороны ЦК ВКП(б) позволил привлечь к уголовной ответственности организаторов преступной схемы и выявить косвенную причастность к ней партийного руководства области. Тем не менее секретари Чкаловского обкома партии избежали строгого наказания, поскольку их злоупотребления были невелики и они справлялись со своими служебными обязанностями.

Ключевые слова: спиртовая промышленность, Чкаловская область, послевоенный период, хищения, коррупция, партийные органы, обком, ЦК ВКП(б).

Для цитирования: Федоров А. Н. Коррупция периода позднего сталинизма: хищения в Чкаловском спиротресте в 1940-е гг. // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. Электронный научный журнал. 2026. № 2 (58). С. 237—252. URL: https://vestospu.ru/archive/2026/articles/58/14_58_2026.pdf. DOI: 10.32516/2303-9922.2026.58.14.

Original article

Corruption in the Late Stalinist Era: Embezzlement at the Chkalov Distillery in the 1940s

Alexey N. Fedorov

Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia, alnikfedorov@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4115-9603>

Abstract. This article examines embezzlement at distilleries in the Chkalov region and the accompanying corruption in party and government bodies in the 1940s. Large-scale embezzlement occurred at the Chkalov Distillery during the war and in the early postwar years due to the lack of a systematic fight against it and the protection of embezzlers by local and regional authorities. The situation changed in 1949, when following the “Ulyanovsk alcohol case”, the central government launched a campaign to combat embezzlement in the distillery industry. Law enforcement agencies quickly uncovered abuses at the Chkalov distillery, which caused damages of approximately 150 million rubles over several years. Oversight by the Central Committee of the All-Union Communist Party (Bolsheviks) led to the prosecution of the organizers of the criminal scheme and the indirect involvement of the regional party leadership. Nevertheless, the secretaries of the Chkalov Regional Party Committee escaped severe punishment because their abuses were minor and they fulfilled their official duties.

Keywords: distillery industry, Chkalov region, post-war period, embezzlement, corruption, party bodies, regional committee, Central Committee of the All-Union Communist Party (Bolsheviks).

© Федоров А. Н., 2026

For citation: Fedorov A. N. Corruption in the Late Stalinist Era: Embezzlement at the Chkalov Distillery in the 1940s. *Vestnik of Orenburg State Pedagogical University. Electronic Scientific Journal*, 2026, no. 2 (58), pp. 237—252. DOI: <https://doi.org/10.32516/2303-9922.2026.58.14>.

Введение

Современные исследования убедительно показывают, что в СССР периода позднего сталинизма коррупция (злоупотребление служебным положением, растраты, хищения, взятки) пронизывала разные сферы жизни общества — от промышленного производства и торговли [1; 3; 10; 44; 47; 51] до деятельности управленческих структур и правоохранительных органов [6; 41; 48; 50] — и охватывала руководителей от местного до высшего уровня [2; 4; 5; 7; 40; 43; 45]. Довольно часто злоупотребления, в которых были замешаны начальствующие лица, происходили на предприятиях спиртовой и ликероводочной промышленности, выпускавших весьма востребованную и остродефицитную продукцию.

Самым резонансным случаем подобного рода в первые послевоенные годы стало «ульяновское дело». В конце 1948 г. были арестованы и позднее осуждены 40 работников Ульяновского спиртотреста во главе с управляющим Н. П. Сухановым, которые действовали с военных времен и только в 1947—1948 гг. похитили спирта и продуктов питания на сумму более 65 млн. руб. Эти преступления продолжались долгое время благодаря поддержке работников райкомов, горкомов и обкома партии, органов суда и прокуратуры, регулярно получавших от расхитителей спирт. В феврале 1949 г. за покровительство преступникам ЦК ВКП(б) снял с должности и исключил из партии первого секретаря Ульяновского обкома И. Н. Терентьева и третьего секретаря обкома С. С. Артамонова. В марте и апреле должностей лишились еще два секретаря обкома, прокурор области, председатель областного суда, редактор областной газеты и десяток чиновников рангом пониже, а также из партии были исключены несколько бывших руководителей — второй секретарь обкома, председатель облисполкома и прокурор области. В самой области по «спиртовому делу» привлекли к партийной ответственности 105 коммунистов, причем 48 из них лишились партбилетов. «Ульяновское дело» отразилось и на судьбах руководителей центральных ведомств. В августе 1949 г. Политбюро ЦК ВКП(б) в связи с массовым воровством на предприятиях Министерства пищевой промышленности СССР сняло с должности министра В. П. Зотова, его заместителя Н. И. Пронина и начальника Главного управления спиртовой промышленности И. Ф. Гудзенко [12, с. 185—200; 25; 29, л. 73—89 об.; 30, л. 12—33; 49, с. 198—208].

Особое внимание высшего руководства к спиртовой промышленности позволило в том же 1949 г. выявить случаи, идентичные ульяновскому, и в других регионах страны — Алтайском и Красноярском краях, Барановичской, Воронежской, Новосибирской и Томской областях, Кабардинской, Мордовской и Северо-Осетинской АССР, Молдавской ССР [31, л. 109—136; 32, л. 103—117; 33, л. 133—134; 39; 43, с. 111—112]. А в начале 1950 г. в ЦК ВКП(б) поступила информация о хищениях в Чкаловском спиртотресте, ущерб от которых, по предварительной оценке, составил 145 млн. руб. [34, л. 115—116].

Воровство на спиртовых заводах Чкаловской области было масштабнее, чем в Ульяновской области, однако не вызвало жесткой реакции центра и не привлекло внимания исследователей.

Целью статьи является изучение коррупции хозяйственных руководителей на примере хищений и прочих злоупотреблений в Чкаловском спиртотресте во второй половине 1940-х гг. Для ее достижения предполагается выявить способы и масштабы злоупотреблений на спиртовых заводах Чкаловской области в первые послевоенные годы и фак-

торы, способствовавшие им; рассмотреть причины и ход расследования преступлений руководства спиртотреста; выявить реакцию региональных и центральных властей на «спиртовое дело»; выяснить последствия этого «дела».

Источниковую базу исследования составили документы Российского государственного архива социально-политической истории и Объединенного государственного архива Оренбургской области.

Результаты исследования

Оренбургский Союзный трест спиртовой промышленности был создан в июле 1935 г., а с декабря 1938 г. в связи с переименованием Оренбургской области стал называться Чкаловским (далее — Чкаловский спиртотрест). Он подчинялся Главному управлению спиртовой промышленности (далее — Главспирт), которое до июля 1946 г. входило в состав Наркомата (Министерства) пищевой промышленности, а до января 1949 г. — в состав Министерства вкусовой промышленности СССР.

В 1940-е гг. трест объединял 8 спиртовых заводов: Дубовский (Саракташский район), Ключевский (Чкаловский район), Ташлинский (Ташлинский район), Турайский (Троицкий район), Умновский, имени Чапаева № 1 и № 2 (Бузулукский район), «Красная долина» (Сок-Кармалинский район). На этих предприятиях работало чуть больше 3000 человек, а их проектная мощность составляла 4800 декалитров спирта в сутки [20, л. 39, 58]. Для сравнения отметим, что Ульяновский спиртотрест в 1947 г. включал 33 завода с 4766 рабочими и общей мощностью 16 780 декалитров спирта-сырца в сутки [25, с. 66]. Также в области находились Бузулукский и Чкаловский ликероводочные и Орский водочный заводы, которые подчинялись Уральскому ликероводочному тресту с головной конторой в Свердловске.

В 1940 г. заводы Чкаловского спиртотреста произвели 884 тыс. декалитров спирта, но из-за трудностей военного времени и послевоенных лет выработка резко снизилась и в 1949 г. составила всего 404,6 тыс. декалитров. Для поддержания прежнего уровня не хватало сырья (в Чкаловской области в основном это было зерно, а не картофель), оборудования, помещений, рабочей силы и квалифицированных управленцев [20, л. 39]. Производственные проблемы усугублялись злоупотреблениями, которые были обычным делом на спиртовых заводах. Так, в 1943 г. прокуратура Чкаловской области возбудила уголовное дело о хищении спирта и водки на сумму 6 млн. руб. Обвиняемыми по делу проходили директор Ключевского спиртзавода Л. и тогдашний управляющий спиртотрестом Ф. Чкаловский обком партии не дал санкции на арест управляющего и перевел его на другую ответственную работу, и только после вмешательства Прокуратуры СССР в 1945 г. его отдали под суд. Однако областной суд, учтя позицию партийного руководства, вынес бывшему управляющему мягкий приговор и оставил на свободе. Уже в начале 1946 г. Ф. получил должность управляющего Казахстанским республиканским ликероводочным трестом, причем при утверждении его кандидатуры в ЦК ВКП(б) заместитель наркома пищевой промышленности Н. И. Пронин не сообщил об имевшейся у того судимости [35, л. 68—70].

Летом 1945 г. Чкаловский спиртотрест возглавил В. — 40-летний уроженец Одесской области и член партии с 1925 г. До войны он руководил небольшими предприятиями пищевой промышленности, затем был мобилизован в армию, где занимал интендантские должности, дослужился до капитана административной службы, а сразу после демобилизации вернулся на производство. Новый управляющий попытался выправить положение на заводах области за счет своевременных поставок сырья и топлива, «выбивания» нового оборудования. Благодаря этому в 1947 г. трест «резко выправил работу» и впервые за много лет выполнил производственный план [19, л. 73]. Но для увеличения производства

этого было недостаточно. Собственного сырья, особенно картофеля, не хватало, поэтому трест получал его со стороны, причем с большими задержками. Более 50% продукции вырабатывалось в теплое время года, когда из-за недостатка холодной воды возрастали потери спирта на выходе. Расход топлива существенно превышал установленные нормы. В связи с этими проблемами следующие два года все задания, спущенные Главспиртом, спиртрест проваливал [20, л. 39—40].

Предприятия треста работали по-разному, и это во многом зависело от того, в каких отношениях с новым управляющим состояли директора. Если руководитель завода отказывался давать продукты и спирт, не привозил денег и пытался сообщить в Главспирт и местные партийные органы о беспорядках в тресте, то управляющий чинил препоны (не выделял новое оборудование и транспорт, поставлял некачественное сырье и т.д.) и стремился уволить директора. Если же им удавалось найти общий язык, то завод сполна и в установленные сроки получал все необходимое для производства [19, л. 4—5].

Управляющий трестом не довольствовался взятками от подчиненных. Уже через год после своего назначения он организовал преступную группу, которая занялась махинациями с сырьем, готовой продукцией и прочими ресурсами, находившимися в распоряжении треста и его предприятий. В эту группу вошли главный инженер и заведующий центральной химической лабораторией треста, директора Ключевского и Умновского спиртзаводов, заводов имени Чапаева № 2 и «Красная долина». В преступных схемах также участвовали главные инженеры, заведующие складами, бухгалтеры и некоторые экспедиторы упомянутых предприятий — всего более 50 человек [35, л. 64—65].

Махинации сводились к созданию неучтенных запасов сырья и готовой продукции (спирта). Этого добивались при помощи завышения сорности и влажности и занижения крахмалистости сырья (пшеницы, ячменя, картофеля, кукурузы и пр.), из которого вырабатывался спирт. Так, в 1947 г. на Умновском спиртзаводе за счет завышения влажности зерна списали 19 тонн похищенного сырья. Там же в апреле 1948 г. с разрешения руководства треста занизили крахмалистость кукурузы на 3,87%, благодаря чему количество выработанного спирта оказалось больше расчетного на 11 000 литров. На Ключевском заводе в первом полугодии 1949 г. за счет занижения крахмалистости переработанного зерна с 29 до 26% выработали сверх плана 13 890 литров спирта [19, л. 174—175; 34, л. 64—65]. Наряду с этим фальсифицировались учетные документы. В накладных уменьшали количество полученного сырья или вообще указывали, что оно получено без взвешивания, составляли фиктивные акты о сдаче готовой продукции, а ее нехватку списывали на незавершенное производство, технические нужды и естественную убыль [19, л. 1—2]. Не гнушались и недогрузом продукции потребителю: на сливном пункте в железнодорожных цистернах со спиртом, как правило, не хватало 1,5—2 декалитров [22, л. 103].

Рассмотренные выше преступные схемы широко применялись до 1949 г. по целому ряду причин. Во-первых, Министерство пищевой промышленности возложило контроль за качеством сырья на сами предприятия и установило низкий уровень выхода спирта с тонны сырья. Во-вторых, неудовлетворительно осуществлялся автоматический контроль за производством спирта. На многих спиртовых заводах отсутствовали контрольные спиртоизмерительные снаряды, а имевшиеся, как правило, были неисправны. В-третьих, не было единого порядка учета сырья и готовой продукции, а соответствующая документация на предприятиях велась нерегулярно, и подделать ее не составляло труда. Наконец, министерские проверки проводились редко, выборочно и без должного тщания, а многие инспектора, как выяснилось после «ульяновского дела», за взятки скрывали массовые нарушения на местах [26, л. 9—16, 60—65, 99—100].

Скрытые от учета сырье и продукция позволяли руководству Чкаловского спиротреста покрывать значительные производственные потери, вызванные перерасходом сырья и топлива, нарушением технологии, плохим состоянием оборудования, неудовлетворительным хранением сырья и продукции. Неучтенные запасы позволяли также отчитываться о выполнении и перевыполнении месячных и квартальных планов и, следовательно, получать за это солидные премии. Только в 1947—1948 гг. руководители некоторых заводов и спиротреста были премированы на сумму в 200 тыс. руб. [34, л. 115—116]. Однако основная часть сокрытого имущества присваивалась.

С ноября 1948 г. по июль 1949 г. руководители спиротреста смолотили для себя в муку 5900 кг отборного зерна. Регулярно выносили с предприятий спирт сами, для чего использовали специальную тару (фляги, грелки, бидоны) или поручали своим подчиненным доставить его на квартиру. Количество зависело от должности: в 1947 г. управляющему трестом только с Ключевского завода доставили около 100 литров спирта, директора брали декалитрами, заведующие хранилищами по несколько литров. Спирт пускали на личное потребление, обменивали на продукты питания, вещи и мебель, им расплачивались за услуги (строительство дома, пошив одежды). Значительную часть похищенного продавали на рынке с помощью родственников и знакомых или через систему общепита и торговые организации [19, л. 179—180]. Так, в 1946 г. через буфет станции Бугуруслан продали 250 литров спирта, причем из вырученных денег 40 тыс. руб. досталось управляющему трестом. В 1948 г. с завода «Красная долина» вывезли и передали на реализацию в магазины 2400 литров спирта. Благодаря этой махинации директор завода купил родителям дом в Куйбышеве стоимостью в 42 тыс. руб., а доля управляющего составила 40,5 тыс. руб. Всего же от таких махинаций последний получил не менее 145 тыс. руб. [34, л. 114; 35, л. 64].

Все эти должностные злоупотребления, длившиеся годами, были невозможны без попустительства и содействия со стороны местных властей. Чтобы добиться их расположения, руководство заводов и треста не жалело спирта. По устным указаниям или запискам его выдавали и доставляли секретарям райкомов и горкомов партии, председателям райисполкомов, начальникам отделов МГБ, МВД и милиции, прокурорам и даже редакторам газет. В 1946—1949 гг. такие подношения регулярно получали ответственные работники Бузулука и Бугуруслана, Бузулукского, Павловского, Саракташского, Сок-Кармалинского и Троицкого районов, на территории которых или по соседству с которыми находились спиртовые заводы [23, л. 1—2, 9—20].

Размеры спиртовых «получек» напрямую зависели от должности. Первый секретарь Павловского райкома партии в 1947—1949 гг. получил 200 литров спирта, а председатель райисполкома — 100 [34, л. 115—116]. Аппетиты первого секретаря Бузулукского райкома партии были скромнее. За два года он получил около 35—40 литров спирта, но при этом часто ужинал и выпивал на квартире директора спиртзавода, разжился с его помощью мешком пшеничной муки, держал в подсобном хозяйстве завода корову и откормил там трех свиней [22, л. 1—7]. Первый секретарь Саракташского райкома партии в 1947—1948 гг. получил бесплатно 200—250 литров спирта, второй секретарь — немногим более 20 литров, а заведующий отделом — всего 4 [22, л. 93—97].

Чиновные лица просили и безотказно получали спирт для проведения застолий во время важных общественно-политических мероприятий (пленумов райкомов и горкомов партии, сессий городских и районных Советов, встреч с депутатами Верховного Совета РСФСР), угощения обкомовских ревизоров, на 7 ноября и на Новый год [35, л. 66—67]. Данная практика сложилась еще в военные годы и стала традицией. Один из фигурантов чкаловского «спиртового дела» в своих показаниях особо отметил данный факт: «За

время моей работы директором Умновского спиртзавода были случаи, когда ко мне обращались руководящие работники района с просьбой о выдаче им спирта. В своей работе я был зависим от них, поэтому был вынужден выдавать им спирт. Из общей обстановки было видно, что руководящие работники данного района спирт с завода получали и до меня» [23, л. 9].

Руководители области и областного центра также получали спирт бесплатно или по символической цене (4—5 руб. за литр при розничной стоимости около 200 руб.), но, как правило, с Чкаловского ликероводочного завода. В 1947 г. управляющий финансово-хозяйственным сектором Чкаловского обкома партии за счет фондов техжиркомбината получил на этом заводе 46 литров спирта-ректификата, которые затем передал секретарям и заведующим отделами обкома. Тогда же и тем же способом Чкаловский горком партии раздал своим сотрудникам 43 литра спирта, а Управление МВД по Чкаловской области — 20 литров. В начале 1948 г. заместитель заведующего финансовым отделом Чкаловского облисполкома обратился к первому секретарю обкома партии с просьбой прекратить эту незаконную практику. Что ему ответил партийный руководитель неизвестно, но «раздачи» продолжились. В 1948 г. всем секретарям обкома партии к 1 мая, 7 ноября, Новому году доставили на квартиру по 1—2 литра, а заведующим отделами — по 0,5—1 литру спирта. Секретари горкома также 3—4 раза за этот год получили по 1,5—2 литра спирта. Из всех спиртзаводов области в снабжении областного начальства напрямую поучаствовал только Ключевский, откуда в обком для празднования 7 ноября 1948 г. привезли 15 литров спирта. Управляющий спиротрестом тоже откликался на запросы высокопоставленных лиц и их родственников. Так, в октябре, декабре 1948 г. и апреле 1949 г. по просьбе жены первого секретаря обкома он через заведующего финхозсектором обкома передал чиновникам по литру спирта, а в 1949 г. для застолья на даче у первого секретаря обкома по поводу Первомайского праздника предоставил еще несколько литров [22, л. 128—136, 156—158; 35, л. 67].

По указанию управляющего трестом спирт в основном выдавали менее статусным, но полезным для решения текущих хозяйственных вопросов треста персонам. Прежде всего ими являлись ответственные работники обкома — инструкторы транспортного и промышленного отделов, заведующий планово-финансово-торговым отделом, заместитель секретаря по транспорту. Среди постоянных «клиентов», получавших не только спирт, но и разные продукты питания, были также помощник прокурора области, начальник уголовного розыска, начальник хозяйственного отдела УМВД, уполномоченный Министерства заготовок, заместитель начальника Оренбургской железной дороги, начальник областного управления государственных резервов, начальник областного управления промышленности строительных материалов, начальник городской телефонной станции. Впоследствии бывший управляющий неоднократно заявлял, что все просьбы чиновников о выдаче спирта выполнял потому, что «по работе был от них зависим» [22, л. 128—129; 23, л. 1—8]. Однако в ходе следствия выяснилось, что он сам предлагал спирт, продукты и разные услуги людям, занимавшим значимые руководящие посты, рассчитывая в дальнейшем на их помощь или протекцию [22, л. 101—102, 124].

Работникам центральных ведомств давали крупные взятки: ревизоры получали спирт, масло, мясо и мед, а руководители — деньги. Со слов бывшего управляющего Чкаловским спиротрестом, начальнику Главспирта ежегодно присылали 25—30 тыс. руб., а начальнику отдела кадров главка передали 15 тыс. руб. [34, л. 114—116; 35, л. 70]. Благодаря этому немногочисленные проверки проходили благополучно, и никаких претензий по работе треста центр не высказывал. Более того, заявления о многочисленных хищениях на спиртзаводах и злоупотреблениях полномочиями управляющего трестом,

направленные в Главспирт в 1947—1948 гг., оставались без движения до тех пор, пока не разразилось «ульяновское спиртовое дело». Но и после этого накопившийся компромат проверили формально, без выезда на место, и кадровых замен не произвели [35, л. 70].

Чкаловский обком партии работой спиртотреста интересовался мало и долгое время игнорировал сообщения о беспорядках в нем. В декабре 1946 г. инструктор, курировавший работу спиртовой промышленности, направил секретарю обкома по кадрам И. Г. Карякину записку о злоупотреблениях управляющего трестом, но хода ей не дали. В феврале 1947 г. Управление МВД по Чкаловской области сообщило первому секретарю обкома Г. А. Денисову о серьезных проблемах на спиртзаводах и махинациях управляющего трестом, но реакции не последовало. Без внимания обком оставил и поступившую через два месяца просьбу Сок-Кармалинского райкома ВКП(б) «воздействовать на спиртотрест», который назначает на ответственные посты «неблагонадежных людей». Также партийные руководители проигнорировали заявления рядовых коммунистов и секретаря парторганизации треста о коррупции в спиртовой промышленности [35, л. 68—69].

Перечисленные факты можно расценить как содействие руководителям спиртотреста со стороны обкома партии, прежде всего, секретарей. Именно так и сделали работники ЦК ВКП(б), проверявшие в начале 1950 г. сведения о хищениях в спиртотресте, заявив, что обком «проходил мимо сигналов и по существу покровительствовал жуликам» [35, л. 68]. Между тем необходимо учитывать обстоятельства, которые не позволяют однозначно говорить, что партийные руководители области были прочно «встроены» в коррупционную схему и последовательно защищали ее организаторов. Для секретарей обкома незначительная спиртовая промышленность не была приоритетной отраслью в отличие от сельского хозяйства, металлургии и машиностроения, за которые приходилось лично отвечать перед центром. Текущую работу спиртзаводов контролировал Главспирт, и даже в кадровых вопросах от обкома требовалось лишь согласие с кандидатурами, предложенными министерством. Информация о плохой работе предприятий или массовых хищениях из министерства и тем более ЦК ВКП(б) не поступала, следовательно, вникать в местные «спиртовые» дела не требовалось. Жалобы и заявления от коммунистов и беспартийных граждан на действия директоров заводов и управляющего трестом из общего потока не выделялись и разбирались в обычном порядке. Из-за нехватки работников в аппарате обкома некоторые из этих жалоб не проверялись, другие рассматривались формально, а те, что все же доводились до секретарей, по всей видимости, не воспринимались как исключительные и требующие принятия срочных серьезных мер.

О невмешательстве обкома партии в дела спиртотреста было известно правоохранительным органам Чкаловской области, и, вероятно, поэтому они не проявляли рвения в разоблачении расхитителей. Показательно, что в апреле 1948 г. ОБХСС при областном управлении милиции прекратил агентурную разработку «Спиртовые», которую успешно проводил более года. В ней фигурировали ключевые организаторы преступной схемы — управляющий, заведующий центральной химической лабораторией и начальник отдела снабжения треста [22, л. 106]. Впрочем, подобным «иммунитетом» обладали не все хозяйственники. В 1947 г. прокуратура области возбудила уголовное дело против группы работников Чкаловского ликероводочного завода во главе с директором Г., которая за полтора года расхитила алкоголя на сумму 2 744 981 руб. В июле Чкаловский горком партии снял директора завода с должности и исключил из партии, а в ноябре его осудили, правда, по статье 109 УК РСФСР (злоупотребление служебным положением), предполагавшей небольшой срок лишения свободы [19, л. 85—95; 22, л. 132].

Ситуация изменилась только в 1949 г., после «ульяновского дела», информацию о котором сразу довели до всех региональных партийных органов и правоохранительных

структур. Начальник уголовного розыска областного управления милиции А. М. Варшавский, проверяя в апреле подведомственные органы Сок-Кармалинского района, получил информацию о том, что главный агроном завода «Красная долина» незаконно обменял спирт на мед, который передали управляющему спиртотрестом, а начальник снабжения и подвальный на вырученные от продажи похищенного спирта деньги построили себе дома. Выяснилось также, что директор завода получает бесплатно спирт и продукты и замешан в прочих должностных преступлениях. А. М. Варшавский доложил об этом начальнику областного управления милиции С. И. Тельпешеву, и тот распорядился немедленно собрать материалы и заодно поднять архивные дела.

В июле 1949 г. на заводе «Красная долина» прошла проверка, вскрывшая масштабные хищения руководства, которому не удалось скрыть следы своих преступлений, хотя начальник Бугурусланского городского отдела милиции предупредил о предстоящей ревизии. Арестованные дали показания против директора, а тот в свою очередь стал свидетельствовать против руководства спиртотреста. В августе С. И. Тельпешев доложил первому секретарю обкома партии П. Н. Корчагину о массовых хищениях спирта, а 5 сентября запросил санкцию на арест бывшего управляющего трестом. 23 сентября его арестовали [19, л. 1—8, 177—179; 22, л. 103—108].

Управление МГБ по Чкаловской области, которому в октябре 1949 г. подчинили управление милиции [8, с. 76], запросило от Министерства пищевой промышленности 17 специалистов для максимально обстоятельной ревизии предприятий Чкаловской области. Подобное уже практиковалось, когда летом 1949 г. органы МГБ расследовали злоупотребления на спиртзаводах Тамбовской области [27, л. 83]. Но органы госбезопасности в первую очередь интересовали не хищения на заводах, а взятки руководству Главспирта. Данное обстоятельство могло усугубить наказание для фигурантов Суда чести, недавно состоявшегося в Министерстве пищевой промышленности СССР. Не осталось в стороне и Управление МВД. Его новый начальник В. В. Константинов, назначенный в августе 1949 г., решил использовать дело в своих интересах. До передачи следствия в органы МГБ он успел несколько раз допросить бывшего управляющего трестом и затем организовал в тюрьме разработку арестованных по «спиртовому делу». Материалы этой разработки, в частности, информацию о том, что в коррупционных схемах были замешаны советские и партийные руководители, следствию он не предоставил, видимо, надеясь самостоятельно довести их до Москвы [22, л. 108—109].

Чкаловский обком партии в ход следствия не вмешивался, но вместе с тем не демонстрировал решительность и принципиальность, например, не стал заранее исключать из партии арестованных руководителей спиртотреста. В ноябре 1949 г. МГБ представило данные о масштабных хищениях, в которых злоупотребления властью секретарей обкома не упоминались. Только после этого обком партии проконсультировался у заведующего сектором пищевой и вкусовой промышленности Отдела легкой промышленности ЦК ВКП(б) Н. П. Стрелкова на предмет дальнейших действий. Тот рекомендовал обо всем доложить официально. 7 января 1950 г. П. Н. Корчагин по ВЧ-связи сообщил заведующему Отделом легкой промышленности ЦК ВКП(б) Н. М. Пегову об аресте 38 человек за хищения на сумму 145 млн. руб., а также о взятках руководителям Главспирта [34, л. 115—116; 35, л. 69].

9 января Отдел легкой промышленности подготовил докладную записку на имя Г. М. Маленкова, в которой кратко изложил информацию Чкаловского обкома и предложил командировать своего инструктора А. Н. Гаврилова и уполномоченного ЦК ВКП(б) по кадрам в Министерстве пищевой промышленности СССР Я. А. Серова «для принятия необходимых мер... по укреплению кадрами и улучшению работы спиртовых предпри-

ятий Чкаловской области». 14 января Секретариат ЦК ВКП(б) распорядился направить в область указанных работников и ответственного контролера Комиссии партийного контроля А. В. Никифорова. Поскольку в 1949—1950 гг. о значительных инцидентах в спиртовой промышленности обязательно извещали высшее руководство, то материалы о Чкаловском спиртротресте направили в Политбюро ЦК ВКП(б). 18 января 1950 г. оно утвердило решение Секретариата [34, л. 111—116].

Проинформировав центр о беспорядках на спиртовых заводах, партийное руководство области стало действовать спешно и энергично. 10 января 1950 г. бюро Чкаловского обкома «за массовое хищение спирта, зерна и других продуктов» исключило из партии директоров Ключевского спиртзавода и завода «Красная долина», бывшего управляющего трестом и его основных поделщиков. Тогда же за участие в расхищении спирта партбилеты лишились первый секретарь Павловского райкома партии и председатель Павловского райисполкома [14, л. 23—24]. На областной партконференции, проходившей 20—21 января 1950 г., в отчетном докладе П. Н. Корчагин сообщил, что обком «с запозданием вскрыл в системе спиртовой промышленности области группу воров и расхитителей во главе с бывшим управляющим спиртротрестом», ущерб от действий которых составил 150 млн. руб. Сообщение поразило делегатов — в стенограмме говорится о движении и возгласах в зале заседания, — но больше этой темы на конференции не касались [13, л. 49—50].

7 февраля бюро обкома приняло постановление об улучшении работы спиртовых и водочных заводов области, согласно которому предстояло за неделю рассмотреть персональные дела всех расхитителей, направить на заводы обкомовских ревизоров, провести партийные собрания на заводах, в районах и городах. Заодно обком постановил регулярно заслушивать отчеты о работе спиртовой отрасли и включить в свою номенклатуру директоров и главных инженеров всех спиртовых и водочных заводов, провести совещание хозяйственного актива. Облсполкому поручили расширить посевы картофеля при спиртзаводах, а прокуратуре и милиции разработать мероприятия по предотвращению хищений [15, л. 5, 39—41]. Следуя собственному решению, бюро обкома в феврале 1950 г. сняло с должности и наложило партийные взыскания на полтора десятка районных, городских и областных чиновников, уличенных в коррупции [16, л. 10—11; 17, л. 21—22].

Прибывшие в марте ревизоры ЦК усилий обкома не оценили. Наоборот, в докладной записке на имя Г. М. Маленкова они обвинили первого секретаря обкома в том, что он отложил вопрос о партийности фигурантов «спиртового дела» до завершения следствия и не стал обсуждать злоупотребления в спиртротресте на областной партконференции. Более того, А. Н. Гаврилов, А. В. Никифоров и Я. А. Серов сообщили, что партийные руководители области сами «на протяжении лет систематически незаконно получали спирт» и поэтому их необходимо привлечь к ответственности. Они предложили обязать обком улучшить работу с кадрами спиртзаводов и потребовать от министра пищепрома усилить контроль над спиртовой промышленностью Чкаловской области, оказать ей материально-техническую помощь [35, л. 67—72].

29 марта 1950 г. Секретариат ЦК ВКП(б) одобрил эти предложения и поручил Комиссии партийного контроля рассмотреть материалы о злоупотреблениях чкаловских секретарей [35, л. 62]. 11 августа 1950 г. Секретариат утвердил решение Комиссии, согласно которому за непринятие своевременных мер и незаконное получение спирта бывшему первому секретарю Чкаловского обкома поставили на вид и указали действующему, а секретарю обкома, курирующему кадры, заведующему финхозсектором обкома и первому секретарю Чкаловского горкома поставили на вид «за незаконное получение спирта для коллективной выпивки в апреле 1949 г.» [36, л. 164—165].

Мягкие взыскания, полученные партийными руководителями области за причастность к «спиртовому делу», были закономерны. В послевоенные годы центр прагматично относился к коррупции региональных чиновников, строго наказывая лишь в том случае, если злоупотребления достигали внушительных масштабов, получали широкую огласку или сопровождались политическими обвинениями [43, с. 115—118]. В деле Чкаловского спиртротреста речь шла о нескольких десятках литров спирта на всех секретарей обкома и горкома вместе взятых. Руководителям Воронежской области за гораздо большее — от 100 до 150 литров спирта на каждого — тоже поставили на вид, и это не повредило их карьере [37, л. 1—9]. Сведения о том, что областные руководители замешаны в получении спирта, до партийного актива и тем более широкой общественности не дошли. Наконец, никакой политической подоплеки, как в «ульяновском деле» [12, с. 198—199], здесь не было. Более того, руководители Чкаловской области в послевоенные годы в целом справлялись с главными задачами — восстановлением сельского хозяйства и развитием промышленности [9, с. 138—150; 11; 24; 46, с. 552—559, 588—591]. Обычные нарекания со стороны центра раздавались регулярно, но даже в 1946—1947 гг. дело не дошло до строгих взысканий, и первые лица остались на своих постах. От должностей тогда освободили только второго секретаря обкома и секретаря обкома по кадрам как не справляющихся с обязанностями [28, л. 114—115; 38, л. 1—8].

Непосредственных расхитителей наказали строго. В 1951 г. Чкаловский областной суд рассмотрел 6 уголовных дел и вынес приговор нескольким десяткам работников спиртовых заводов области и Чкаловского спиртротреста. Большинство из них обвинили в хищении государственного имущества организованной группой и в крупных размерах, за что полагалось заключение в исправительно-трудовой лагерь на срок от 10 до 25 лет с конфискацией имущества [42]. Бывших директоров Дубовского и Умновского заводов, бывшего главного инженера и бывшего заведующего центральной химической лабораторией спиртротреста за хищения на миллионы рублей приговорили к максимальному наказанию. Бывшего управляющего спиртротрестом, в отличие от его предшественника, отделавшегося в 1945 г. небольшим условным сроком за злоупотребление служебным положением, также осудили на 25 лет [22, л. 79—81].

Масштабные хищения в Чкаловском спиртротресте привлекли внимание центра к проблемам спиртовой промышленности области в целом. Выше говорилось, что работники ЦК ВКП(б) после проверки на местах предложили ряд стандартных мер по улучшению ее работы. Необходимость в них усиливалась тем, что из-за очередной кампании по сокращению административных расходов в августе 1949 г. Чкаловский спиртротрест был упразднен, а его предприятия переданы Куйбышевскому спиртротресту. В результате оперативное управление заводами Чкаловской области ухудшилось, что негативно сказалось на их работе [20, л. 55]. Министерство пищевой промышленности оперативно отреагировало на указания ЦК ВКП(б). 11 марта 1950 г. министр издал приказ «О наведении государственного порядка и мерах помощи спиртовым заводам Чкаловской области», согласно которому предполагалось заменить слабых руководителей, инженерно-технических и счетно-бухгалтерских работников, увеличить смету капитального ремонта, выделить материалы и оборудование, улучшить сырьевую базу (за два года увеличить производство картофеля при заводах с 5 до 25 тыс. т), отремонтировать весь автотракторный парк, огородить заводские зерносклады и отремонтировать ограждение заводов, переизмерить спиртовые емкости, ввести ежесменное взвешивание сырья и топлива [20, л. 66—68].

Перечисленные мероприятия были реализованы не лучшим образом. К концу 1950 г. выяснилось, что из 1,8 млн. руб., выделенных министерством на реконструкцию, заводы получили чуть больше миллиона. Главспирт вовремя не выделил необходимое оборудо-

вание (паровые котлы, локомобили, трактора) и стройматериалы (цемент, железо, стекло), а Куйбышевский спиртрест не предоставил техническую документацию и ходом работ интересовался мало. В результате реконструкция вместо запланированных 55—90 дней проводилась 5—7 месяцев. «Исключительно плохо», по мнению обкома партии, обстояло дело и с жилищным фондом спиртзаводов, которым Главспирт так и не выделил обещанных сборных домов. Ситуация с мерительным оборудованием тоже не изменилась. Все спиртовые мерники проверили, но оказалось, что они имеют ряд дефектов, не отвечают новым техническим требованиям и поэтому их необходимо заменить [18, л. 143—149].

Кадровый вопрос решался неудовлетворительно. Весной — летом 1950 г. Главспирт подыскивал, а Чкаловский обком партии утвердил новых директоров спиртзаводов, хотя их профессиональные навыки вызывали сомнения. У вновь назначенного директора Дубовского спиртзавода К. М. Гуляндина было низшее образование и не было управленческого опыта, поэтому он едва справлялся с обязанностями. Директор завода имени Чапаева № 2 З. Ш. Гузаиров имел среднее образование и некоторый стаж руководящей работы, но ему также требовалась «большая помощь со стороны треста». Впрочем, самым слабым управленцем оказался В. А. Щедрин, возглавивший Умновский спиртзавод. Прежде он никогда не был директором, поэтому наладить работу предприятия не смог, и через год его отстранили от должности [20, л. 79; 21, л. 87—91].

Еще хуже обстояло дело с инженерно-техническими кадрами. К концу 1950 г. обком утвердил только одного из шести главных инженеров, так как остальные оказались слабо подготовлены и имели изъяны в биографии (родственников, осужденных за антисоветскую деятельность, судимости за хищения и пр.). Что касается главных бухгалтеров, то Главспирт не выделил ни одного, в результате на двух заводах их не было более года [21, л. 3—4].

В декабре 1950 г. бюро Чкаловского обкома партии обсудило работу спиртовой промышленности области и констатировало, что ситуация несколько не улучшилась. Однако присутствовавший на заседании заместитель управляющего Главспиртом В. Е. Юрченко пообещал, что в первом квартале 1951 г. недостающие ресурсы и кадры выделят, а управляющий Куйбышевским спиртрестом И. Д. Казаков обязался уделять спиртзаводам области больше внимания. Своих обещаний они не выполнили, поэтому в апреле 1951 г. обком сообщил обо всех проблемах в Комиссию партийного контроля и попросил повлиять на министерство и Главспирт. При этом обком отметил, что партийное руководство заводами стало гораздо лучше, трудовая дисциплина на них улучшилась, а хищения прекратились [18, л. 143—150; 21, л. 1—4].

Несмотря на то что помощь спиртовым заводам Чкаловской области оказали не в полном объеме и с опозданием, повышенное внимание к их работе со стороны центральных и местных властей дало положительный результат. Если в 1949 г. они выполнили план по производству спирта-сырца на 80,9%, то в 1950 г., несмотря на длительную реконструкцию и прочие проблемы, достигли показателя в 107,1%. Посевы, урожайность, сборы зерна и картофеля на заводах удвоились, благодаря чему план по сырью был перевыполнен в 1,5 раза [20, л. 73—75]. Тем не менее существенных перемен в отрасли не произошло.

Уже в начале 1951 г. спиртовая тема утратила прежнюю актуальность: Политбюро более не занималось хищениями в спиртовой промышленности, а введенный в 1949 г. институт контролеров за сохранностью и расходом спирта был упразднен. В связи с завершением кампании, вызванной «ульяновским делом», Чкаловский обком тоже перестал тщательно следить за работой спиртовых заводов области и настойчиво требовать

для них помощи от центральных ведомств. В 1951—1953 гг. на заседаниях бюро обкома такие вопросы не обсуждались и в многочисленных докладных записках в Центральный Комитет не затрагивались.

Заключение

Различные преступления происходили на спиртовых заводах Чкаловской области на протяжении всех 1940-х гг. Наряду с мелкими кражами, которыми занимались рядовые работники, была выстроена система подлогов, утаивания сырья и продукции, позволявшая руководству спиртзаводов и Чкаловского спиртотреста присваивать тысячи литров спирта на суммы в десятки миллионов рублей. С помощью регулярных взяток в виде спирта, продуктов и денег расхитители добились покровительства со стороны работников местных партийных, советских и правоохранительных органов, а также руководства Главспирта, что позволило им продолжительное время избегать разоблачения.

Ситуация изменилась только в 1949 г. после «ульяновского дела», из-за которого высшее руководство страны обратило особое внимание на спиртовую промышленность. В этих условиях активизировались региональные органы МВД и МГБ, которые при расследовании незначительных хищений на одном из спиртзаводов выявили в спиртотресте должностные злоупотребления, вдвое превышавшие масштабы «ульяновского дела». Контроль ЦК ВКП(б) за делом Чкаловского спиртотреста позволил привлечь к уголовной ответственности организаторов преступной схемы, а также выявить косвенную причастность к ней партийного руководства области. Но поскольку секретари Чкаловского обкома партии в целом справлялись с восстановлением сельского хозяйства и развитием промышленности области, а масштабы нарушений были невелики (несколько десятков литров спирта бесплатно или за небольшую цену), то они избежали строгого наказания.

Дело Чкаловского спиртового треста привлекло внимание центральных ведомств и региональных властей и к прочим проблемам отрасли. Спиртовым заводам области выделили дополнительные средства, оборудование и кадры, что положительно сказалось на их работе. Однако выйти на довоенный уровень и обеспечить стабильное развитие отрасли не удалось, поскольку имевшихся ресурсов для этого было недостаточно, а после завершения в 1951 г. кампании по борьбе с хищениями в спиртовой промышленности она перестала быть приоритетной для руководства региона.

Список источников

1. Богданов С. В. Хозяйственно-корыстная преступность в СССР 1945—1990 гг.: факторы воспроизводства, основные показатели, особенности государственного противодействия : дис. ... д-ра ист. наук. Курск, 2010. 580 с.
2. Воробьев С. В. Власть и коррупция в послевоенном Свердловске: преступление и наказание // Уральский исторический вестник. 2025. № 4 (89). С. 183—192. DOI: 10.30759/1728-9718-2025-4(89)-183-192.
3. Говоров И. В. Государство и преступность в Советской России 1945—1953 гг. (на материалах Ленинграда и Ленинградской области) : дис. ... д-ра ист. наук. СПб., 2004. 712 с.
4. Кимерлинг А. С. Особенности провинциальной советской коррупции в 1946—1953 годах на материале Молотовской области // Вестник Пермского университета. Сер. История. 2012. Вып. 3 (20). С. 101—108.
5. Клинова М. А., Трофимов А. В. «Установить строжайший контроль за сохранностью социалистической собственности»: кампания по борьбе с хищениями во второй половине 1940-х гг. // Гуманитарные науки в Сибири. 2019. Т. 26, № 1. С. 82—86. DOI: 10.15372/HSS20190114.
6. Кодинцев А. Я. Коррупционные преступления советских судей в 40-е годы XX века // Российский судья. 2017. № 6. С. 54—58.

7. Кометчиков И. В. Дело первого секретаря Калужского обкома ВКП(б): взгляд на социальный капитал калужского регионального руководства, 1944—1948 гг. // Новейшая история России. 2021. Т. 11, № 3. С. 723—737. DOI: 10.21638/11701/spbu24.2021.310.
8. Кузьминых А. Л. Эволюция системы НКВД—МВД СССР (1934—1956 гг.) // Вестник института: преступление, наказание, исправление. 2010. № 10. С. 71—78.
9. Лапаева М. Г., Лапаев А. П. Экономика Оренбургской области (1943—2004 гг.). Оренбург : ИПК «Газпромпечатъ», 2006. 468 с.
10. Мамяченков В. Н. Экономическая преступность на Среднем Урале в первые послевоенные годы (1946—1948 гг.) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2015. № 12-2 (62). С. 136—141.
11. Мотревич В. П. Хлеб Оренбуржья: динамика зернового производства в Чкаловской области в послевоенные годы // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. Электронный научный журнал. 2018. № 3 (27). С. 130—141. URL: http://vestospu.ru/archive/2018/articles/12_27_2018.pdf. DOI: 10.32516/2303-9922.2018.27.12.
12. Никонорова Т. Н. Документы Комиссии партийного контроля при ЦК ВКП(б) (1934—1952 гг.) как источник изучения экономической преступности в среде партийной номенклатуры : дис. ... канд. ист. наук. М., 2018. 224 с.
13. Объединенный государственный архив Оренбургской области (ОГАОО). Ф. 371. Оп. 14. Д. 1.
14. ОГАОО. Ф. 371. Оп. 14. Д. 33.
15. ОГАОО. Ф. 371. Оп. 14. Д. 39.
16. ОГАОО. Ф. 371. Оп. 14. Д. 42.
17. ОГАОО. Ф. 371. Оп. 14. Д. 44.
18. ОГАОО. Ф. 371. Оп. 14. Д. 138.
19. ОГАОО. Ф. 371. Оп. 14. Д. 149.
20. ОГАОО. Ф. 371. Оп. 14. Д. 808.
21. ОГАОО. Ф. 371. Оп. 15. Д. 110.
22. ОГАОО. Ф. 371. Оп. 15. Д. 124.
23. ОГАОО. Ф. 371. Оп. 15. Д. 153.
24. Пахомов А. В., Пахомова Е. В. Сельское хозяйство Чкаловской области во 2-й половине 1940-х — начале 1950-х гг. сквозь призму общегосударственной аграрной политики // Научный журнал Дискурс. 2018. № 4 (18). С. 32—41.
25. Пашкин А. Г. Коррупция позднего сталинизма: ульяновское «спиртовое» уголовное дело 1949 г. // Гасырлар авазы — Эхо веков. 2023. № 2. С. 62—72.
26. Российский государственный архив новейшей истории (РГАНИ). Ф. 3. Оп. 41. Д. 16.
27. РГАНИ. Ф. 3. Оп. 41. Д. 98.
28. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 117. Д. 714.
29. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 118. Д. 329.
30. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 118. Д. 386.
31. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 118. Д. 424.
32. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 118. Д. 435.
33. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 118. Д. 605.
34. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 118. Д. 692.
35. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 118. Д. 794.
36. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 119. Д. 2.
37. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 119. Д. 161.
38. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 127. Д. 1460.
39. Сушков А. В. Власть и коррупция: руководство Красноярского края и дело о хищениях продукции на Красноярском заводе плодово-ягодных вин (1949 г.) // Уральский исторический вестник. 2011. № 3 (32). С. 89—95.
40. Твердюкова Е. Д. «Немедленно отменить все незаконные формы снабжения»: обеспечение советской региональной номенклатуры товарами широкого потребления (1943—1947 гг.) // Труды исторического факультета Санкт-Петербургского университета. 2015. № 21. С. 254—271.
41. Тепляков А. Г. О коррупции в органах НКГБ — МГБ СССР 1940—1950-х гг. // Общество. Интеллигенция. Репрессии : сб. статей к 60-летию проф. С. А. Красильникова. Новосибирск : Сова, 2009. С. 205—221.
42. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 4 июня 1947 г. «Об уголовной ответственности за хищения государственного и общественного имущества» // Ведомости Верховного Совета СССР. 1947. № 19.

43. Федоров А. Н. Злоупотребление и взыскание: коррупция региональных руководителей СССР в 1946—1952 гг. // Российская история. 2023. № 5. С. 103—120. DOI: 10.31857/S2949124X23050073.
44. Хайнцен Дж. Искусство взятки. Коррупция при Сталине, 1943—1953. М. : РОССПЭН, 2021. 367 с.
45. Хакимов Р. Ш. Система привилегий и льгот региональной номенклатуры (на примере Челябинской области). Челябинск : Изд-во Челяб. гос. ун-та, 2022. 195 с.
46. Хисамутдинова Р. Р. Аграрная политика Советского государства на Урале после окончания Великой Отечественной войны (июнь 1945 — март 1953 г.). Оренбург : Изд-во ОГПУ, 2003. 607 с.
47. Хлевнюк О. В. Корпорация самозванцев. Теневая экономика и коррупция в сталинском СССР. М. : Новое литературное обозрение, 2023. 320 с.
48. Хотькина О. К. Коррупция в пенитенциарной системе СССР послевоенного времени // Вестник Тверского государственного университета. Сер. Право. 2022. № 1 (69). С. 192—199. DOI: 10.26456/vtravo/2022.1.192.
49. ЦК ВКП(б) и региональные партийные комитеты. 1945—1953 / сост.: В. В. Денисов, А. В. Квашонкин, Л. Н. Малащенко [и др.]. М. : РОССПЭН, 2004. 494 с.
50. Шкаревский Д. Н. К вопросу о коррупции в Верховном суде СССР в конце 1940-х — начале 1950-х годов // История государства и права. 2016. № 22. С. 58—60.
51. Экономическая преступность в СССР в годы Великой Отечественной войны (на материалах Южного Урала) / А. А. Аполовников, А. А. Пасс, М. Н. Потемкина, Н. Л. Усольцева. Челябинск : Изд-во Челяб. гос. ун-та, 2021. 359 с.

References

1. Bogdanov S. V. *Khozyaistvenno-korystnaya prestupnost' v SSSR 1945—1990 gg.: faktory vosproizvodstva, osnovnye pokazateli, osobennosti gosudarstvennogo protivodeistviya: dis. ... d-ra ist. nauk* [Economic and mercenary crime in the USSR 1945—1990. Reproduction factors, main indicators, features of state counteraction. Dr. Dis.]. Kursk, 2010. 580 p. (In Russian)
2. Vorob'ev S. V. *Vlast' i korruptsiya v poslevoennom Sverdlovsk: prestuplenie i nakazanie* [Authorities and corruption in post-war Sverdlovsk: crime and punishment]. *Ural'skii istoricheskii vestnik — Ural Historical Journal*, 2025, no. 4 (89), pp. 183—192. DOI: 10.30759/1728-9718-2025-4(89)-183-192. (In Russian)
3. Govorov I. V. *Gosudarstvo i prestupnost' v Sovetskoi Rossii 1945—1953 gg. (na materialakh Leningrada i Leningradskoi oblasti): dis. ... d-ra ist. nauk* [The state and crime in Soviet Russia 1945—1953 (based on materials from Leningrad and the Leningrad region). Dr. Dis.]. St. Petersburg, 2004. 712 p. (In Russian)
4. Kimerling A. S. *Osobennosti provintsial'noi sovetskoi korruptsii v 1946—1953 godakh na materiale Molotovskoi oblasti* [Peculiarities of soviet provincial corruption in 1946—1953 (based on Molotov oblast's sources)]. *Vestnik Permskogo universiteta. Ser. Istoriya — Perm University Herald. History*, 2012, is. 3 (20), pp. 101—108. (In Russian)
5. Klinova M. A., Trofimov A. V. *“Ustanovit' strozhaishii kontrol' za sokhrannost'yu sotsialisticheskoi sobstvennosti”: kampaniya po bor'be s khishcheniyami vo vtoroi polovine 1940-kh gg.* [“Establish strict control over the safety of socialist property”: campaign against theft in the second half of the 1940-s]. *Gumanitarnye nauki v Sibiri — Humanitarian Sciences in Siberia*, 2019, vol. 26, no. 1, p. 82—86. DOI: 10.15372/HSS20190114. (In Russian)
6. Kodintsev A. Ya. *Korrupsionnye prestupleniya sovetskikh sudei v 40-e gody XX veka* [Corruption-related crimes of soviet judges in the 40s of XX century]. *Rossiiskii sud'ya — Russian Judge*, 2017, no. 6, pp. 54—58. (In Russian)
7. Kometchikov I. V. *Delo pervogo sekretarya Kaluzhskogo obkoma VKP(b): vzglyad na sotsial'nyi kapital kaluzhskogo regional'nogo rukovodstva, 1944—1948 gg.* [The affair of the first secretary of the Kaluga regional committee of the VKP(b): a look at the social capital of the Kaluga regional leadership, 1944—1948]. *Noveishaya istoriya Rossii — Modern History of Russia*, 2021, vol. 11, no. 3, pp. 723—737. DOI: 10.21638/11701/spbu24.2021.310. (In Russian)
8. Kuz'minykh A. L. *Evolutsiya sistemy NKVD—MVD SSSR (1934—1956 gg.)* [The Evolution of the NKVD—MVD System of the USSR (1934—1956)]. *Vestnik instituta: prestuplenie, nakazanie, ispravlenie*, 2010, no. 10, pp. 71—78. (In Russian)
9. Lapaeva M. G., Lapaev A. P. *Ekonomika Orenburgskoi oblasti (1943—2004 gg.)* [Economy of the Orenburg region (1943—2004)]. Orenburg, Gazprompechat' Publ., 2006. 468 p. (In Russian)
10. Mamyachenkov V. N. *Ekonomicheskaya prestupnost' na Srednem Urale v pervye poslevoennye gody (1946—1948 gg.)* [Economic crime in the Middle Ural region in the first post-war years (1946—1948)]. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i*

praktiki — Historical, Philosophical, Political and Law Sciences, Culturology and Study of Art. Theory & Practice, 2015, no. 12-2 (62), pp. 136—141. (In Russian)

11. Motrevich V. P. Khleb Orenburzh'ya: dinamika zernovogo proizvodstva v Chkalovskoi oblasti v poslevoennnye gody [Bread of the Orenburg region: dynamics of grain production in Chkalov region during the post-war years (1946—1960)]. *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Elektronnyi nauchnyi zhurnal — Vestnik of Orenburg State Pedagogical University. Electronic Scientific Journal*, 2018, no. 3 (27), pp. 130—141. Available at: http://vestospu.ru/archive/2018/articles/12_27_2018.pdf. DOI: 10.32516/2303-9922.2018.27.12. (In Russian)

12. Nikonorova T. N. *Dokumenty Komissii partiinogo kontrolya pri TsK VKP(b) (1934—1952 gg.) kak istochnik izucheniya ekonomicheskoi prestupnosti v srede partiinoi nomenklatury: dis. ... kand. ist. nauk* [Documents of the Party control commission under the Central Committee of the All-Union Communist Party (Bolsheviks) (1934—1952) as a source for studying economic crime among the party nomenclature. Cand. Dis.]. Moscow, 2018. 224 p. (In Russian)

13. *Ob"edinennyi gosudarstvennyi arkhiv Orenburgskoi oblasti* [United State Archives of the Orenburg Region] (OGAOO). F. 371. Op. 14. D. 1.

14. OGAOO. F. 371. Op. 14. D. 33.

15. OGAOO. F. 371. Op. 14. D. 39.

16. OGAOO. F. 371. Op. 14. D. 42.

17. OGAOO. F. 371. Op. 14. D. 44.

18. OGAOO. F. 371. Op. 14. D. 138.

19. OGAOO. F. 371. Op. 14. D. 149.

20. OGAOO. F. 371. Op. 14. D. 808.

21. OGAOO. F. 371. Op. 15. D. 110.

22. OGAOO. F. 371. Op. 15. D. 124.

23. OGAOO. F. 371. Op. 15. D. 153.

24. Pakhomov A. V., Pakhomova E. V. Sel'skoe khozyaistvo Chkalovskoi oblasti vo 2-i polovine 1940-kh — nachale 1950-kh gg. skvoz' prizmu obshchegosudarstvennoi agrarnoi politiki [Agriculture Chkalov oblast in the 2nd half of the 1940s — early 1950s through the prism of national agrarian policy]. *Nauchnyi zhurnal Diskurs*, 2018, no. 4 (18), pp. 32—41. (In Russian)

25. Pashkin A. G. Korruptsiya pozdnego stalinizma: ul'yanovskoe "spirtovoe" ugovnoe delo 1949 g. [Corruption during Late Stalinism: Ulyanovsk "alcohol" criminal case of 1949]. *Gasyrlar avazy — Ekho vekov — Echo of Centuries*, 2023, no. 2, pp. 62—72. (In Russian)

26. *Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv noveishei istorii* [Russian State Archive of Contemporary History] (RGANI). F. 3. Op. 41. D. 16.

27. RGANI. F. 3. Op. 41. D. 98.

28. *Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv sotsial'no-politicheskoi istorii* [Russian State Archive of Socio-Political History] (RGASPI). F. 17. Op. 117. D. 714.

29. RGASPI. F. 17. Op. 118. D. 329.

30. RGASPI. F. 17. Op. 118. D. 386.

31. RGASPI. F. 17. Op. 118. D. 424.

32. RGASPI. F. 17. Op. 118. D. 435.

33. RGASPI. F. 17. Op. 118. D. 605.

34. RGASPI. F. 17. Op. 118. D. 692.

35. RGASPI. F. 17. Op. 118. D. 794.

36. RGASPI. F. 17. Op. 119. D. 2.

37. RGASPI. F. 17. Op. 119. D. 161.

38. RGASPI. F. 17. Op. 127. D. 1460.

39. Sushkov A. V. Vlast' i korruptsiya: rukovodstvo Krasnoyarskogo kraia i delo o khishcheniyakh produktii na Krasnoyarskom zavode plodovo-yagodnykh vin (1949 g.) [Power and corruption: leadership of the Krasnoyarsk krai and the 1949 case of embezzlement at the Krasnoyarsk winery]. *Ural'skii istoricheskii vestnik — Ural Historical Journal*, 2011, no. 3 (32), pp. 89—95. (In Russian)

40. Tverdyukova E. D. "Nemedlenno otmenit' vse nezakonnye formy snabzheniya": obespechenie sovetskoi regional'noi nomenklatury tovarami shirokogo potrebleniya (1943—1947 gg.) ["To abolish all illegal forms of supply immediately": the guarantee of soviet regional nomenclature with consumer goods (1943—1947)]. *Trudy istoricheskogo fakul'teta Sankt-Peterburgskogo universiteta*, 2015, no. 21, pp. 254—271. (In Russian)

41. Teplyakov A. G. O korruptsii v organakh NKGB — MGB SSSR 1940—1950-kh gg. [On Corruption in the NKGB—MGB Agencies of the USSR in the 1940s—1950s]. *Obshchestvo. Intelligentsiya. Repressii: sb.*

statei k 60-letiyu prof. S. A. Krasil'nikova [Society. Intelligentsia. Repressions. A collection of articles for the 60th anniversary of professor S. A. Krasilnikov]. Novosibirsk, Sova Publ., 2009, pp. 205—221. (In Russian)

42. Ukaz Prezidiuma Verkhovnogo Soveta SSSR ot 4 iyunya 1947 g. "Ob ugovnoy otvetstvennosti za khishcheniya gosudarstvennogo i obshchestvennogo imushchestva" [Decree of the Presidium of the Supreme Soviet of the USSR of June 4, 1947 "On criminal liability for the embezzlement of state and public property"]. *Vedomosti Verkhovnogo Soveta SSSR*, 1947, no. 19. (In Russian)

43. Fedorov A. N. Zloupotreblenie i vzykanie: korruptsiya regional'nykh rukovoditelei SSSR v 1946—1952 gg. [Misuse and punishment. Corruption of regional leaders of the USSR in 1946—1952]. *Rossiiskaya istoriya*, 2023, no. 5, pp. 103—120. DOI: 10.31857/S2949124X23050073. (In Russian)

44. Khaintsen Dzh. *Iskusstvo vzyatki. Korruptsiya pri Staline, 1943—1953* [The art of bribery. Corruption under Stalin, 1943—1953]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2021. 367 p. (In Russian)

45. Khakimov R. Sh. Sistema privilegii i l'got regional'noi nomenklatury (na primere Chelyabinskoi oblasti) [The system of privileges and benefits for the regional nomenclature (based on the Chelyabinsk region)]. Chelyabinsk, Chelyab. gos. un-t Publ., 2022. 195 p. (In Russian)

46. Khisamutdinova R. R. *Agrarnaya politika Sovetskogo gosudarstva na Urale posle okonchaniya Velikoi Otechestvennoi voyny (iyun' 1945 — mart 1953 g.)* [Soviet agrarian policy in the Urals after the Great Patriotic War (June 1945 — March 1953)]. Orenburg, OGPU Publ., 2003. 607 p. (In Russian)

47. Khlevnyuk O. V. *Korporatsiya samozvantsev. Tenevaya ekonomika i korruptsiya v stalinskom SSSR* [The corporation of impostors. The shadow economy and corruption in Stalin's USSR]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2023. 320 p. (In Russian)

48. Khot'kina O. K. Korruptsiya v penitentsiarnoi sisteme SSSR poslevoennogo vremeni [Corruption in the penitentiary system of the USSR in the postwar period]. *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. Pravo*, 2022, no. 1 (69), pp. 192—199. DOI: 10.26456/vtpravo/2022.1.192. (In Russian)

49. Denisov V. V., Kvashonkin A. V., Malashenko L. N. (et al.), comp. *TsK VKP(b) i regional'nye partiinye komitety. 1945—1953* [The Central Committee of the All-Union Communist Party (Bolsheviks) and regional party committees. 1945—1953]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2004. 494 p. (In Russian)

50. Shkarevskii D. N. K voprosu o korruptsii v Verkhovnom sude SSSR v kontse 1940-kh — nachale 1950-kh godov [On the issue of corruption in the supreme court of the USSR in the late 1940s — early 1950s]. *Istoriya gosudarstva i prava*, 2016, no. 22, pp. 58—60. (In Russian)

51. Apolovnikov A. A., Pass A. A., Potemkina M. N., Usol'tseva N. L. *Ekonomicheskaya prestupnost' v SSSR v gody Velikoi Otechestvennoi voyny (na materialakh Yuzhnogo Urala)* [Economic crime in the USSR during the Great Patriotic War (based on materials from the Southern Urals)]. Chelyabinsk, Chelyab. gos. un-t Publ., 2021. 359 p. (In Russian)

Информация об авторе

А. Н. Федоров — кандидат исторических наук, доцент

Information about the author

A. N. Fedorov — Candidate of Historical Sciences, Associate Professor

Статья поступила в редакцию 24.12.2025; одобрена после рецензирования 17.02.2026;
принята к публикации 20.05.2026

The article was submitted 24.12.2025; approved after reviewing 17.02.2026;
accepted for publication 20.05.2026